

Произведения лауреатов и дипломантов Третьего открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Номинация «Поэзия»

Номинация «Поэзия» 2024

Первое место (золото) и звание лауреата:

[Можаева Виктория Валерьевна](#) (персональный номер участника - 001)

Второе место (серебро) и звание лауреата:

[Нурдинов Альберт Рашидович](#) (179)

Третье место (бронза) и звание лауреата:

[Жирнякова Анастасия Николаевна \(Анаграмма\)](#) (041)

Звание дипломанта конкурса:

[Грибникова Вера Петровна](#) (147)

[Прилепо Наталия Александровна](#) (103)

[Хрычёва Алёна Дмитриевна](#) (152)

[Великжанин Павел Александрович](#) (165)

[Ческидова Татьяна Владимировна](#) (116)

[Ерошкин Анатолий Юрьевич](#) (121)

[Потапов Александр Николаевич](#) (044)

[Ерофеев Игорь Васильевич](#) (146)

[Колмогорова Наталья Ивановна](#) (015)

[Тетенькина Татьяна Григорьевна](#) (017)

[Подольский Сергей Викторович](#) (056)

[Белый Константин Владимирович](#) (068)

Можаева Виктория Валерьевна – родилась . в посёлке Поспелиха Алтайского края. Окончила Гродненское музыкальное училище (Белоруссия). Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Работала преподавателем в детской музыкальной школе, преподавателем литературы в школе. Автор многочисленных поэтических публикаций и нескольких сборников стихов. Лауреат литературного конкурса имени М.А. Шолохова. Член Союза писателей России. Живёт на хуторе

Можаевка Тарасовского района Ростовской области.

* * *

Устав от кровавой рутины,
Зовём, кто Аллаха, кто Спаса,
На красный песок Палестины,
На жёлтые степи Донбасса.
Лежат под завалами люди,
Железо детей разрывает...
Туман, как пророк на верблюде,
Над домом моим проплывает...
Прошу лишь прощенья и хлеба,
В мерцанье огня золотого...
Слезами налитое небо,
Ноябрь от распятия Христова.

* * *

Теперь не плачь: за что нам это?
Теперь подумай: для чего?
Вошло в огонь восьмое лето,
Ушло восьмое Рождество.
Всё горше чаша слёз недетских,
Всё ближе небо за спиной,
И чёрный крест ночей донецких
На сердце каменной виной.
Но всё же дети ходят в школы,
И новый год, как чудо, ждём,
И праздник зимнего Николы
Украшен бисерным дождём.
И вот на поле грозной сечи
Опять ночная пала тень...
Горели души, гасли свечи,
Просил надежды новый день...

* * *

На моём берегу
Может всяк человек
Пришвартовывать:
Здесь найдётся ночлег,
И беседа и ночью, и днём.
Я стрелять не могу.
Я могу только перебинтовывать,
И молиться за всех,
Кто сегодня опять
Под огнём.
Я могу только ждать.
И другого не знаю усердия.
Только плакать могу,
Как княгиня со стен в старину.
Может, стану и я
Для кого-то сестрой милосердия,
И платком с головы
Чью-то смертную боль оберну.

* * *

Глядит в окно моё луна,
А мне темно.
Девятый год глядит война
В моё окно.
То хрип, то стон в моей груди,
То жар, то лёд...
Я говорю ей: «Уходи!» –
Девятый год.
Плету, как кокон, забытьё,
Но все равно
Глазницы чёрные её
Глядят в окно.
Гремят разрывы по реке,
Поля красны...
Стоит мой дом на островке
Среди войны.
Её ухмылки нет кривей,
В грязи, в крови:
«Отдай мне только сыновей...
Сама – живи...»
Мне не по силам с ней в борьбе,
Не по годам...
Но сыновей своих тебе
Я не отдам!
Они не сгинут, не падут,
Не смей, не тронь!
И невредимыми пройдут
Через огонь...
Моя молитва – им стена,
И в стынь, и в зной...
И тенью падает война
Передо мной.

* * *

*Омочю бебрянъ рукавъ въ Каяле реце,
Утру князю кровавыя его раны
на жестоцем «Полечу, - рече, - зегзицею по Дунаеве,
въ его теле».
«Слово о полку Игореве»*

Лицо у войны мужское,
Кто меч поднимал, разя.
Лицо у войны такое -
Уже позабыть нельзя.
Ухмылка войны щербата

Кровавым разбитым ртом...
Последний бросок комбата,
Застывший на снимке том.
Горят огневые вспышки
На тёмном её лице,
Идут в тот огонь братишки
У города на Донце.
Стоят они, как стояли,
В глаза увидав войну,
На Ладого, на Каяле,
На Тереке, на Дону...
Закрывши лицо руками,
Зегзицею со стены,
Годами летит, веками...
Такое лицо войны.

Нурдинов Альберт Рашидович – родился в 1965 году в городе Свердловск (ныне Екатеринбург). Окончил Уральский Политехнический Институт (УПИ). Инженер – механик. Печатался в коллективных сборниках и альманахах. Лауреат (победитель и призёр), финалист и дипломант четырёх десятков международных, всероссийских и региональных литературных конкурсов: Межрегионального конкурса «Ты сердца не жалея, поэт» (2021, 2022гг. – 2 место), конкурса им. Всеволода Остена (2021, 2022 гг. – 2 и 1 место), конкурса имени Константина Бадигина (2022, 2023г.г. – 2 место). Живёт в городе Екатеринбург.

Могилев

*Защитникам Могилёва – тем, кто в июле 41-го стоял насмерть,
на протяжении 23 дней удерживая этот город, – посвящается...*

Шли бои за белорусский город Могилёв.
В полк стрелковый утром прибыл лейтенант Гилёв.
Оглядел его полковник с головы до ног
И сказал: «Ты появился в самый раз, сынок, –
Не хватает командиров! Немцы сильно жмут,
Через час-другой ползут – жарко будет тут.
Роту примешь под команду. Старшина! Самсон!
Отведи-ка лейтенанта в третий батальон».
...Лишь окопы новый ротный обойти успел,
Как орудия фашистов начали обстрел.
А потом пошли атаки – за волной волна...
Вдруг в траншее появился тот же старшина.
«Вам приказ от командира!» – сложенный листок
Протянул он офицеру. Пять коротких строк.
Комполка писал Гилёву, что комбат убит,
И велел ему немедля в должность заступить.
Лейтенант, не дрогнув бровью, принял эту весть;
Без запинки, как учили, он ответил: «Есть!»
Про себя добавил: «Сашка, ты же на войне:
Не тушуйся, с батальоном справишься вполне».

Вслух сказал: «Притихли немцы – это не к добру:
Видно, силы собирают, скоро вновь попрут.
Надо в ротах осмотреться, подбодрить солдат».
И, пригнувшись, по траншее побежал комбат...
Через час завывли мины! Враг полез вперёд...
Столько фрицев покосили: кто там разберёт
То ли двести то ли триста уложили их.
Только мёртвых в батальоне – больше, чем живых!
Бой затих, но было ясно: новый недалёк.
Ночь настала. Ненадолго лейтенант прилёг;
В сон тревожный погрузиться был уже готов,
Но влетел в его землянку старшина Титов,
Ординарец командира, белый словно мел:
«Комполка смертельно ранен, звать тебя велел!
Жить ему, комбат, недолго, поспеши за мной».
Лейтенант схватил пилотку – и за старшиной!
...Командир на плащ-палатках у стены лежал;
Был, казалось, без сознания, губы крепко сжал.
Но едва вошли в землянку, он открыл глаза,
Офицеру наклониться жестом приказал.
– Ты один из всех комбатов уцелел в бою,
И тебе я по уставу... полк передаю...
Речь с трудом ему давалась, булькало в груди:
– Есть у нас в стране писатель... да читал, поди,
Ты Гайдара... Он мальчишкой в бой водил свой полк.
Из тебя, уверен, тоже должен выйти толк.
Пареньку тому семнадцать стукнуло едва.
А тебе заметно больше. Сколько? – Двадцать два!
– Да, Гилёв, попал ты сразу в крепкий переплёт.
Я уведомил комдива, помощь он пришлёт...
Старшина тебе поможет – ты не одинок...
Я прошу... ты только сутки... продержишься, сынок...
Он умолк, затихли звуки у него внутри.
«Быстро здесь растут по службе, как тут не крути».
Вышли молча. Закурили: тут какой уж сон!
– Старшина, объявишь в ротах. – «Есть!» – сказал Самсон.
Поглядел Гилёв на небо: звёздочки видны.
«Вот таким он вышел, Сашка, первый день войны!
Если помощь не поспеет через день-другой...»
Лейтенант ругнулся вяло и махнул рукой.
...Только через трое суток яростных боёв
К ним пробился с подкреплением капитан Краёв.
Он зашёл в блиндаж командный: пусто, тишина...
Вдруг возник в дверях небритый рослый старшина,
Приложил к пилотке руку в коконе бинтов:
– Разрешите обратиться! Старшина Титов!
Офицеры все убиты, старшим я пока.
В этом сейфе – знамя части и архив полка.
Рубежи мы удержали – но итог таков,
Что в строю всего осталось двести пять штыков.
Полк сдаю! – «Полк принимаю!» – честь отдал Краёв.
Шёл двадцатый день боёв за город Могилёв...

Память

Над Буйничским полем как белые птицы
Летят облака.
Они проплывают над крышей каплицы –
Её на века
Потомки поставили в память о павших
В жестоком бою
Защитниках Родины, жизни отдавших
За землю свою.
На стенах часовни – гранитные плиты,
На них письма.
Фамилии тех, кто на поле убиты.
И их имена.
Уже не осталось участников боя.
Но помнят о нём
И небо (то ясное и голубое,
То в тучах с дождём),
И дуб вековой, находящийся рядом
С часовней простой
(Жестоко изранен немецким снарядом
Он был в битве той).
Проходят размеренно мирные годы,
Всё дальше война,
Но помнят героев днепровские воды –
Их память сильна!
И люди к часовне идут вереницей,
Светлы их глаза, –
Идут, чтобы тем, кто погиб, поклониться
И «помним» сказать...

Жирнякова Анастасия Николаевна (Анаграмма) – родилась и выросла в Ростове-на-Дону. Стихи пишет с восьми лет, прозу – с восемнадцати. С 2015 года публикуется и выступает со своими стихами под псевдонимом Анаграмма. С 2018 года поёт и пишет песни на свои собственные стихи. Многократный победитель, лауреат, финалист и дипломант литературных конкурсов от городского до международного масштабов. Поэтесса, прозаик, бард. Ведёт свой личный блог. Живёт в г. Ростов-на-Дон.

Немой Освенцим

Прошлое

1. Души

Горели души. Тела бросая,
Горели души, не угасая.
Всех бед хлебнувши, легко и смело
Роняли души нагое тело.
Взлетали души – всё выше, выше
Всех гор на суше... Под ваши крыши,
В дома смотрели. А в окнах – дети, милы и спящи...
И прочь летели, одни на свете, в огне горящи...
Для тех, кто смотрит на всё снаружи, как было это?

С губ бранный окрик срывает стужа – и вот, раздеты,
Стянув рубахи, уже мороза не замечали...
Роптали в страхе и лили слёзы... Потом – молчали.
Они молчали. Они метались
Уже без тел, потерявшись в дыме...
В немой печали они братались –
И дым густел, наполняясь ими...
Никто не скажет, когда исчезли из лютой стужи.
Осталась сажа. Им проще, если «баул» не нужен:
Нет больше тела – нет больше боли, не нужно хлеба...
Осталось, что ли, уйти на волю – вернуться в Небо...

2. Тела

Без слов, как рыбы, без душ, как глыбы,
Не толпы – кучи, не люди – вещи,
Лежали трупы. Дымились трубы –
Жил в каждой печи огонь зловещий.
Где прах зарыт их? Тела убитых,
Тела забытых, тела случайных –
Пытались сытых и деловитых
Призвать к ответу своим молчанием.

Те были разны – но были немые. А люди гибли.
Другая раса – другое племя, права другие...
Сперва – кричали. Но слух начальства –
Сверх-отдалёнен. Не докричаться.
Штандартенюнкер на вой, не внемля,
Всего-то, плюнув, закроет уши.
И были – дети, и были – семьи,
И были – люди, а стали – души...
Тому, кто помер, не нужен номер. Не нужно имя.
Он обезличен. Он безразличен. Лежит с другими.
Сожжён – закопан. А гневный ропот –
Из-под земли он не раздаётся.
«Чем пайку лопать, подставь-ка локоть:
Собрат под ливнем глядишь, смеётся!
А после, если начальство в кресле
Отдаст приказы – исполним сразу!..
Мы как солдаты. Постой, куда ты?
Дают лопату – бери лопату!»
И, утирая от пота лица,
Всё грезят раем трудяги ада.
Им всем простится. К чему молиться?
К чему поститься?хлопот не надо.
«Погон не снимут – авось, поднимут,
Уж как ведётся, повыше «лифтом»!..
А что до Бога – людей-то много...

Бог разберётся, он справедлив там!».

Настоящее

Тревожна память. Как будто пламя,
Живое пламя ревёт сквозь иней.
Ползут мурашки. Здесь слишком страшно –
Так скажет каждый! – бывать и ныне.
Здесь воздух плотен, почти как камень.
Захочешь – трогай его руками.
И тишина здесь стоит такая –
Хоть окна настезь, где не смолкая
Всё злей, свирепей стенает стужа,
И снег, как пепел, над полем выужит...

Забрав с собой ли всю жизнь и боль их,
Как будто став вдруг одушевлённым,
Здесь ветер воет за всех сожжённых
Безумным, адским, палящим воем –
Как будто молит седое небо
О жалкой доле, о корке хлеба...
Но небо немо. Здесь тени дыма всё ищут пепла...
Но небо немо. И недвижимо: оно ослепло.

Будущее

Уходит в небыль вся боль и немощь
Баланду евших. Былое – было.
Седое небо, слепое небо
Своих сгоревших простить забыло –
За то, что всюду свой правый ропот
Несли, как знамя среди неволи.
Я с вами... буду. Чернела копоть.
Краснело пламя. Белело поле.

Грибникова Вера Петровна – Родилась 26 февраля в посёлке Селижарово Тверской области. Образование среднетехническое. Стихами увлеклась со школьной скамьи. Член СПР. Член Союза писателей Крыма. Победитель многих литературных конкурсов. Руководитель литературного объединения «Ковчег». Живёт в г. Тверь.

Письмо с фронта

М. Ф. Егорову

Мамочка, родная, с Первомаем!
Что пишу урывками, прости.
Мы уже по Пруссии шагаем,
Нелегки военные пути.

Отдыха, порой, ни днём, ни ночью,
Некогда подумать о весне.
Мы такое видели воочью,
Что и в жутком не приснится сне.

Мамочка, прости, я зря про это,
Ты и так, наверно, извелась.
Сын твой жив-здоров. Надеюсь, к лету
Уничтожим вражескую мразь.

Кенигсберг – фашистская твердыня –
Неприступным слыл перед войной.

С русским гневом он столкнулся ныне:
Догорает за моей спиной.

А когда мы город вычищали,
Средь руин, где угли и зола,
Я нашёл в заброшенном подвале
Немку и детишек – мал-мала.

Немку дрожь, как в лихорадке била.
Мальши – ничком на грязный пол ...
Сидор я раскрыл и, сколько было,
Сухари ей высыпал в подол.

Мне она колени обхватила,
Сапоги пыталась целовать.
Еле отцепил, такая сила!
Что же, мать – она повсюду мать.

Слёзы подступили отчего-то
И едва не брызнули из глаз.
Вот такая, мамочка, работа
У меня в неметчине сейчас.

Скоро, скоро свидимся, родная.
Мы уже у логова почти.
Тыщу раз целую, обнимаю!
К празднику письмо должно дойти.

СИТ

Фашистский танковый десант
Прорвался всё ж на левом крае.
И плакал молодой сержант,
К себе овчарку прижимая.

В отряде знали, он храбрец,
Не раз проверен был атакой.
Прощался плачущий боец
С любимой, преданной собакой.

И был он не от страха бел,
Любимца обнимая крепко,
К нему всем сердцем прикипел,
Душою всей, ещё в учебке,

Оставшись круглым сиротой:
От хаты – дымная воронка,
Отец и мама в яме той,

А на братишку – похоронка ...

И только вверенный щенок,
Своей немыслимой любовью
Курсанту выстоять помог
В борьбе с отчаяньем и болью.

...Вот вышли танки на угор,
Наполнив грохотом округу.
И значит, смертный приговор
Подписан преданному другу.

И выюк надет, взрывчатка в нём.
А пёс лицо сержанту лижет.
Плюются танки злым огнём,
Разрывы ближе-ближе-ближе!

И нужно выкрикнуть – «Вперёд!»
О, как же дороги мгновенья!
Сковало судорогой рот,
А вместо голоса – хрипенье.

Секунды лупят по вискам,
С ума сводящей канонадой.
И пёс рванулся к танку сам –
Живым, карающим снарядом!

...С войны вернётся в орденах
Солдат, почти что невредимый,
И долго будет в горьких снах
Кричать: «Я сам! Вернись, родимый! Я сам! ... я сам... я сам...»

СИТ – Собака-Истребитель Танков

На фронтах Великой Отечественной воевало около 70 тысяч собак: санитары, связисты, сапёры, СИТы...

Утрата

Говорят, что наша жизнь бесценна.
Говорят, не стоит ни гроша.
Выйдет срок и канет во Вселенной
Вахту отстоявшая душа.

Говорят, утрату не восполнить.
Говорят, незаменимых нет.

Остаётся помнить, помнить, помнить
Той души неопалимый свет.

Говорят, поплачешь – легче станет.
Говорят, не следует рыдать:
Звёздочка погасла в Божьем стане,
Чтоб другой звезде дорогу дать.

Трону взглядом звёздную порошу...
Как бы ни душила нас тоска,
Добрый свет не остаётся в прошлом,
Он сочиться будет сквозь века.

Жизнь – не ради зрелища и хлеба.
В суетности бренной не забудь:
Светом чистых душ, ушедших в небо,
Ангелы латают Млечный путь.

Прилепо Наталия Александровна – родилась 7 января. Окончила Тольяттинский государственный университет, работает учителем математики. Призёр и лауреат более 50 интернет-конкурсов, в числе которых Кубок Мира по русской поэзии, Чемпионат Балтии по русской поэзии, поэтический турнир им. Игоря Царёва «ПТИЦА». Победитель Международного Грушинского Интернет-конкурса в номинации ПОЭЗИЯ. Живёт в г. Тольятти Самарской области.

В актовом зале шары

В актовом зале шары и большой плакат.
Школьники шумно кучкуются возле стен.
Тридцать четыре. Ну, сколько смогли (загнать) собрать.
Всё же не всем деревянным скамьям пустеть.

Клавдия Львовна, директор, читает речь.
Дети смешно забывают слова стихов.
Пётр Иванович стоит у тугих дверей,
Чтоб хулиганов поспешный пресечь уход.

Песни стихают. Алёша меняет слайд.
Неодобрительно шикнув на пятый класс,
Клавдия Львовна садится на первый ряд:
«Юрий Филиппович, просим на сцену Вас!»

Тонким платком промокнув воспалённый лоб,
Плечи расправив, ведёт ветеран рассказ.
И вынимает из сердца осколки слов,
Неостывающий пепел имён и фраз.

В воздухе близко и страшно витает смерть.
Звук микрофона скрипуч. Микрофон фонит.
Выкрик из зала: «Нам долго еще сидеть?»
Чей-то Samsung начинает звонить, звонить...

Лунки следов оставляя, идёт старик
По тротуарной траве, унося с собой
«Вишни в ликёре» коробку, букет гвоздик,
Яркие краски открыток и боль, и боль...

Безымянный мальчик

Хрупкую зиму пряча
За белизною век,
Спит безымянный мальчик
И выдыхает снег.

Ночь по земле горбатой
Рыщет бродячим псом,
До немоты истратив
Голос на горький зов.

До глубины прозрачный,
Призрачный, словно дым,
В черных зрачках собачьих
Снег тяжелей воды.

Крыльями птиц незрячих
Дерево к небу льнёт.
Спит безымянный мальчик
И выдыхает лёд.

И выдыхает иней
Медленней и страшней.
Лёд прорастает синим
В темную глубь корней.

Спит безымянный мальчик,
Не разжимая рта.
Господи, так не плачут.
Не умирают так.

математики и аналитик. Также занимается изучением истории древних русских городов (в том числе находящихся в настоящее время на территории других государств). Живёт в Москве.

Флаг над Авдеевкой

Плачет февраль то метелью, то моросью,
То миномётным огнём.
Улицы чёрные с пепельной проседью.
Рванный оконный проём.
В парке земля, артобстрелом взрыхлённая,
Мёртвой останется впредь.
Взорваны города недра бетонные.
Нечему больше гореть.
Крепко стоит над разбитой Авдеевкой
Гордый, живой триколор.
Треплет февраль его ткань с недоверием –
Взрывы звучат до сих пор,
Да и привык он за годы военные –
Господи, десять почти! –
Видеть над этими серыми стенами
Флаг, что теперь не в чести.
Впрочем, и сам он закончится вскорости,
Стает в стремительный март.
С ним и Авдеевку – память о городе –
Вычеркнут с вражеских карт.

* * *

Который день война – здесь сбились все со счёта.
Дрожит от взрывов ткань истерзанных границ.
На выжженной земле, в воронках от прилётов
Чернеет наша кровь, застывшая в гранит.

И Северский Донец уносит наши души
К разбитому мосту в иной, счастливый мир.
А в спину нам глядит одна шестая суши,
И шепчет нам: «Родной, смотри не подведи!»

И как тут умереть, и как тут отвернуться?..
В иглу вдевает врач ушедшей жизни нить.
И вновь луна встаёт – фаянсовое блюдце.
И кровь в висках стучит. И плавится гранит.

Ангел Артёмовска

Над Артёмовском скрипка плачет –
Чисто, холодно и бездонно.
Станный ангел в холщовом платье
Защищает разбитый город.
На крыле у него повязка,
А в руках – автомат советский,
И в лице не осталось краски,
Только взгляд беспокойный, дерзкий.
Он рождён мясорубкой ржевской
В сорок третьем, а, может, раньше,
Когда князь Александр Невский
Бил литовцев на поле брани.
Он стоит, прозревая город,
Прикрывая его крылами.
Он познал в Ленинграде голод,
Под Артёмовском трижды ранен.
Он бессмертен, как все солдаты.
Плачет скрипка, ликует Вагнер.
Этот ангел решил остаться
С самой лучшей из лучших армий.

Из города Киева Родина-Мать
Идёт, на клюку опираясь;
Ей, может, и правда пора умирать –
Но нужно пожить ещё малость.

Ведь как же забыть ей предавших детей
И злые днепровские волны,
И всех, кто стремился над миром взлететь
И в небе остался невольно?

Дороги разбитые тянутся в степь,
Баюкают русские танки.
И как же ей, старой, теперь умереть,
Когда вся страна – наизнанку?

И смотрит она на притихших солдат,
И крестит их дряхлой рукою.
Её отраженья упрямо стоят
Над некогда русской рекою.

И просто ли ей отправлять сыновей
На бой с сыновьями другими?
От Киева, мимо донбасских степей
Пути её нынче – легки ли?

Но пусть ей совсем нелегко выбирать,
Война перед нею бессильна.
Уходит из Киева Родина-Мать,
Чтоб после вернуться с Россией.

Великжанин Павел Александрович – родился в 1985 году в Ленинске-Кузнецком, Кузбас. Жил в Зауралье, Волгограде, Москве. Окончил Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова. Участник и победитель многих литературных конкурсов, лауреат премий. Печатался в литературных изданиях «Наш Современник», «Москва», «Литературная газета» и др. Стипендиат Министерства культуры РФ. Живёт в Городе Волгоград.

Ополченцы сорок первого

*«...Самый тяжёлый удар, который когда-либо потряс человечество, — это приход христианства.
Большевизм — это внебрачное дитя христианства... Я освобождаю вас от химеры, именуемой
совестью... С вашей армией вы можете штурмовать небеса...» (Из речей А. Гитлера)*

До сих пор здесь только черные пни,
Вековые древа смертью поправ.
Это поле под Москвой чуть копни —
Зазвенит металл очковых оправ.

Позабыв мудреных буковок вязь,
Что в сухих листьях вилаась, как лоза,
Мушки черные ловили, слезясь,
Устремленные на запад глаза.

Вместо скрипки лег приклад на плечо,
Вместо мела пальцы сжали цевье.
Небеса перечеркнул паучок,
Будто судьбы им недолгие вьет.

С четырех сторон нахлынут враги,
Есть земля и небо — выхода нет.
Смертоносными мазками сангин
На снега ложится братский портрет.

Есть последняя граната в руке.

Даже мертвому – держаться дотла!
Лишь навстречу злему вою пике
Плыли души, уходя из котла.

И такая в них была чистота,
Прокопченных пепелищем родным,
Что не вышло у врага ни черта:
Вся земля и небо все – им одним.

Жесткое жнивье

Был черствый хлеб вкуснее сдоб,
Был труд войны, простой и страшный:
На фронте пашней пах окоп,
В тылу окопом пахла пашня.

Впрягались бабы в тяжкий плуг,
И почва впитывала стоны.
Мукою, смолотой из мук,
На фронт грузились эшелоны.

Навстречу им – казенный лист,
Где от руки вписали имя.
А хлеб ложился, колосист,
И плакал зернами...

Последний ветеран

Как вынуть нам осколки те и пули,
Что плоть живую жгут с сороковых?
...Дошли они до сердца, не свернули.
Застыли годы в скорбном карауле:
Он демобилизован из живых.

Последний ветеран, кому свое ты
Дежурство по планете передашь?
...Шагают вверх неотвратимо роты,
Шагают вверх невозвратимо роты,
На ореол меняя камуфляж.

Сколько их – кто не дожил, не дошел? Нет даже лиц.
Синим химическим карандашом – девять страниц.

Голод блокадный писал без затей буквы свои.
Девять страниц – только даты смертей целой семьи.

Это потом в полевых вещмешках их принесут
На просолённых солдатских плечах – в Нюрнбергский суд!

Это потом доверять дневникам станут мечты
Девочки в городе, где по утрам сводят мосты.

...«Таня одна...» И завывли гудки траурный марш.
Ангел тихонько из детской руки взял карандаш...

Горбы дороги

Считая в темноте горбы дороги,
Которую вычерчивал сам черт,
Дрожали холодеющие дроги,
А в них солдат был навзничь распростерт.

Возничий нервно понукал и тпрукал,
Боец от тряски будто оживал,
Баюкал забинтованную руку,
Как дочку в довоенных кружевах.

Девчушка, оглянувшись у порога,
Все ждет... Они друг друга там найдут:
Солдату – только в рай теперь дорога,
Поскольку побывал уже в аду...

Красное и белое

Что ни говорю я, что ни делаю –
Чувствую на дне свою вину.
Алкомаркет «Красное и белое»,
Прекрати гражданскую войну!

Чтоб две крови дедовские, бьющие
Прямо в сердце: чья тут сторона? –

Помирились той проклятой Пущею,
Выхлебанной внуками сполна.

Пробуждение богатырей

Преданье существует с давних пор,
Что живы и сейчас богатыри:
Увел дружину батька-Святогор
Под землю. И дорогу затворил.

Укрыла их собою мать-земля,
Плеснула им по чаркам сонный мед,
Проснуться лишь тогда сынам веля,
Когда последний час Руси придет.

Когда ударит небо и вобьет
По ноздри в землю, глиной рот забив...
Тогда-то понимание придет,
Зачем же ты под этим небом жив.

И затрубит тебе лишь слышный рог.
Рванутся ввысь травой пустыри.
И выйдут самой тайной из дорог
Проснувшиеся враз богатыри.

Ермак, Илья, Гаврила, Святогор,
Алеша, Глеб, Володя – весь отряд.
У них с врагом короткий разговор:
Они все больше жестами твердят.

...Летят над Русью сполохи зари.
Разрублено змеиное кольцо.
Стирают кровь и пот богатыри.
У одного из них – твое лицо.

Ческидова Татьяна Владимировна – родилась в городе Вильнюсе Литовской ССР. Выпускница Литературных курсов ЧГИК. Поэт, художественный переводчик, член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических сборников, многочисленных публикаций в альманахах и коллективных сборниках всероссийских и международных литературных проектов. Живёт в г.Троицке

Челябинской области.

Мемориалы

Порталами в былое лихолетье
Стоят мемориалы по планете,
И давит тишина виски и плечи,
И нечем заглушить её, и нечем...

– Не надо, слышишь, Господи, не надо
Голодных зим блокады Ленинграда.
Не дай же нам Олы, Хатыни, Бóрок,
Где криками сожжённых воздух вспорот.

Ты слышишь,
боль пронизывает сердце –
Сквозят смертельным ужасом: Освэнцим,
Дахау, Бухенвальд – нечеловечий
Хранят секрет их дьявольские печи?

Ты видишь,
над кровавым полем бранным,

Скорбит страна Мамаевым курганом,
И в полный рост (пусть непомерна ноша)
Восстал над смертью мурманский «Алёша»?

Ещё порой фашистская зараза
Взрывает мир, пуская метастазы
И скалит, скалит огненные пасти,
Когда мы делим родину на части.

Война – одна на всех, и боль едина,
И в списках горя нет чужого сына,
Отца и деда, мамы и ребёнка.
А мир, он хрупок –
 рвётся, там, где тонко.

Стоят мемориалы по планете,
И мы за память правую в ответе.
По тонким струнам жизненным,
 по тонким...
Так важно донести её потомкам.

Дню защитника Отечества посвящается

1

Земля моя – берёзовые дали,
Пшеничный рай, степные ковыли...
Речушки, что из детства вытекали,
Да так мне песней в сердце и вросли.

Душой тону в твоей небесной сини.
В полях смотрю ромашковый балет,
И ласково зову тебя Россией,
И чувствую – родней на свете нет!

А коль споткнусь на каменной дорожке,
Содрав колени, знаю наперёд,
Приложишь подорожника ладошку,
И вся печаль до свадьбы заживёт!

2

Земля моя, повенчанная с небом!
Блажен твой лик и грусть твоя светла!

Я мир спешил постичь, но где б я не был,
Мне душу бережат колокола.

Во имя правых сил Святого Духа,
Во имя вечных Сына и Отца,
Прошу, Господь, дай сил земных краюху!
Направь на благо грешного птенца!

Да не собьют с пути ветра лихие,
Ведь дорожат молитвою уста.
Я верую в Величие России,
Как в заповеди Бога и Христа!

Земля моя – Великая Россия!
Душой ты справедлива и щедра!
Из века в век твоя звенела сила,
Где доблесть чести лучшая сестра!

Хранимы свято подвиги героев,
Но мирной жизни снова рвётся нить.
И вновь твои сыны на поле боя,
Их русский дух вовеки не сломить!

«Кто к нам с мечом... тот от меча и сгинет» –
Наука наших прадедов сильна,
И мощь стальная в венах не остынет!
Россия – ты Великая страна!

Ерошкин Анатолий Юрьевич – родился в 1959 году.

Заслуженный журналист Республики Карелия. Автор нескольких сборников стихов и многочисленных публикаций в коллективных сборниках. Победитель литературных конкурсов, в том числе и поэзии для детей. Живёт в городе Абинск Краснодарского края.

Вокзал Победы

Весна. Сорок пятый. Победа!
Теплушки. Шинели. Гармонь.
Встречает солдатка с надеждой
Пришедший с войны эшелон:
«Ивана мовó не видали?
Весёлый, кудрявый такой...».
Гремит на перроне вокзала
В ответ ей оркестр полковой.
Бравурные марши и вальсы,
И песен весёлых букет,
Кружатся погоны, лампасы,
Фуражки, пилотки... но нет
Среди толчеи этой Вани,
И шепчет солдатка с тоской:
«Ивана мовó не видали?
Кудрявый, весёлый такой...».

Возвращение

К затылку сдвинув мягкое гало,
Подсвечивая путнику дорогу,
Луна напоминает о былом,

Когда здесь было всё белым-бело
И намело сугробы до порога.

Сомнения в себе переборов,
В тревожные заснеженные дали,
В тот день ушёл ты, свой покинув кров,
На перекрёсток судеб и фронтов,
И в перекрестье снайперских баталий.

Домой идёшь устало под луной,
И в призрачной мерцающей подсветке,
Отцовский край – бескрайний и ржаной,
Духмяный, родниковый и родной
Тебя встречает, лейтенант разведки.

Поклоны бьют у речки камыши,
Берёзы шепчут страстные намёки,
Ночные мотыльки – вот глупыши! –
Сердечно, троекратно, от души
Небритые твои целуют щёки.

У родника поправил ордена,
Пыль отряхнул, надраил голенища:
«Встречай героя, молода жена!
Пои его любовью допьяна!».
И вздрогнул на пороге... пепелища.

Выпьем молча...

Те, кто пережил арналёт,
Через десять минут в рукопашке
Полегли... и остался взвод
От гвардейской от роты нашей.

Нам «ура!» запахло кричать.
Вместо Сталина – хрен им в дышло!
А ещё – растакую мать!
Извини, политрук, так вышло.

Дядя Вася в окоп приволок
Термос пшёнки, спирта канистру...
Хохотнул было, тут же смолк:
«Эх, ребятки! Помянем. Чистый...

Кушать можете за троих,
Мы варили на полную роту...
Не по сто, триста вам фронтовых,
За товарищей... пей, пехота!».

Медсанбатом шибает спирт,
Каша в горле комком колючим.
Что там ротный нам говорит?
Мы герои?! Да нет, живучи...

Нам медаль повесят на грудь
«За заслуги» иль «За отвагу»...
Надо спирту всё же глотнуть.
«Эй, солдат, передай-ка флягу!».

Поделились на тройки мы,
Уцелевшему – двое павших...
И укором нам всем живым –
Ломтик хлебушка на стакашке...

За Победу не нужен тост.
Выпьем молча, помянем списком...
Как же много на небе звёзд!
Хватит их на все обелиски...

Потапов Александр Николаевич – родился в 1954 году в селе Петровка Шацкого района Рязанской области. Окончил Рязанский государственный педагогический институт и Литературный институт имени А.М. Горького.
Автор более четырёх десятков книг поэзии и прозы.
Лауреат многих известных региональных и международных конкурсов и премий.
Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Рязани.

Повторение пройденного

Земля Украины от пепла ослепла,
Оглохла в дыму и в пыли,
Но русские танки сквозь жуткое пекло
В растерзанный город вползли.
И, словно страницы бывшего листая,
Что всплыли в военной дали,
Как в сорок четвёртом, старушка слепая
Воскликнула: «Наши пришли!»

Баллада о танке Т-34

В центре тихого города, в парке Победы,
Вознесённый торжественно на пьедестал,
В память славы отцов, в память подвига дедов
На земле украинской он твёрдо стоял.
В сорок пятом году танк дошёл до Берлина
И закончил свои боевые дела.
Грудь его броневую война опалила
И осколками вражескими посекала.
Залихватски звучали победные песни,

Боевой экипаж был хмелён, но не пьян:
Украинец Петро, Ярмолай из Полесья,
И, конечно, как водится, русский Иван.
Ликовала весна и победная юность.
Смолкнул гул канонады и грохот атак.
Боевые друзья к мирной жизни вернулись,
В монумент превратился израненный танк...
Но история сбилась с дороженьки торной.
Почему, отчего – не узнать, не понять...
Пробудились нацизма кровавые корни,
Объявилась бандеровцев новая рать.
Ядовитая гниль «незалежной Украины»,
Оборвав память предков, забыв свой исток,
Выполняя приказ закордонный и тайный,
Чёрной силой попёрла на юго-восток.
Города и селения жгли и бомбили,
Силясь жителей мирных огнём «зачищать»...
Как поставить заслон лютой вражеской силе?
Свою землю оружием каким защищать?
Ополченцы-бойцы сняли танк с пьедестала,
Починили мотор, пушку и пулемёт.
Вновь для танка пора боевая настала,
Ожил он, покряхтел и... рванулся вперёд.
Не страшась, как бывало, ни Бога, ни чёрта,
Сквозь разрывы снарядов, нутужно гудя,
В бой рвалась легендарная «тридцатьчетвёрка»,
Смертный ужас на новых врагов наводя.
Снова танк-ветеран лихо мчался в атаку,
Оставляя немеркнувший в памяти след,
И наматывал прочно на гусениц траки
Дни и вёрсты былых переходов и лет.
...Если вновь к нам фашистская нечисть ползет,
В бой на танке рванутся, пойдут на таран
Украинец Петро, Ярмолай из Полесья
Да бессмертный наш, сказочный русский Иван!

Катюша

Военному фельдшеру Екатерине Ивановой

Кто России душою и помыслом служит,
Тот не знает покоя ни ночью, ни днём.
...Врачевала бойцов военфельдшер Катюша,
Где пылала Украина нацистским огнём.
Ах, Украина, Украина, что случилось с тобою?
До чего ж отщепенцы тебя довели?
Дымом застлано небо твоё голубое
И под снегом кровавым не видно земли.

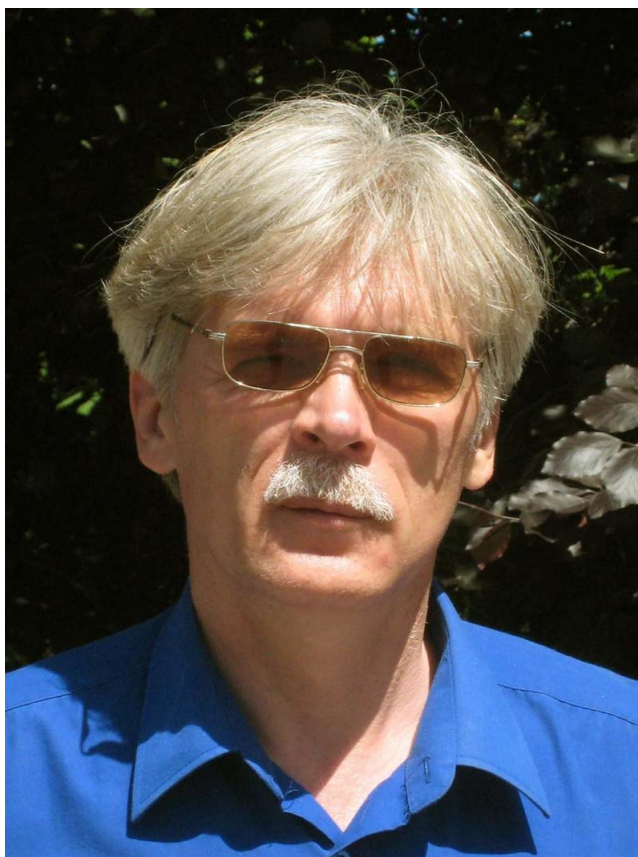
Снова русский солдат, как и раньше бывало,
Историческим братьям на помощь пришёл.
Катя свежие раны бойцов бинтовала:
– Потерпи, дорогой, будет всё хорошо... –
Огневые разрыв то громче, то глуше.
Кровь на фронте имеет особенный вес.
И шептали солдаты: – Спасибо, Катюша,
Ты, как ангел в халате, спустилась с небес... –
Но когда вывозили бойцов с поля боя,
Обстреляли жестоко машину враги.
Ах, Катюша, Катюша, что будет с тобою?
Каждый раненый шепчет в бреду: – Помогите... –
Помогите, помогите! А снаряды ложатся
На дорогу всё ближе. Спасения нет.
– Потерпите, родимые! Выдюжим, братцы! –
Вдруг разрыв – и машина уткнулась в кювет.
– Отходи, медсестра! Нам не выйти из боя, –
Прохрипел лейтенант, о погибших скорбя.
Но Катюша его заслонила собою,
Все осколки шальные приняв на себя.
...В полевом лазарете свет долго не тушат.
Облегчённо промолвил хирург: – Будет жить...
Заслонила солдата России Катюша –
Значит ей, как России, бессмертною быть!

Безымянная война

Война пылает на Украине,
И в дымных далях вязнет взгляд,
Где русские герои-парни
Нацистских выродков гвоздят.
Война пугает грозным ликом,
Война безжалостна, но всё ж
Не назовут её Великой,
Да и Отечественной тож.

Ерофеев Игорь Васильевич – родился в 1958 г. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Автор 18 литературных, краеведческих и музыкальных книг и книжечек, в том числе Летописи Черняховского района. Модератор и соорганизатор литературных конкурсов.

Почетный гражданин города Черняховска Калининградской области. Живёт в Черняховске.

Пушки били по городу

Наши пушки по городу били
из леса прямой наводкой,
калеча дома чужие –
кто их тогда жалел?
Город охал и выл от страха
перекошенной болью глоткой,
и в огне становился меньше,
и на наших глазах старел...

...Город ёжился в чёрном теле –
перебили хребты мостам, –
самолёты искали цели
по церковным его крестам,
раскалённая черепица
градом сыпалась на солдат...
Ждёт Победы Москва-столица –
не дождался её комбат.

Не дожждаться её пехоте,
что стремилась за Ильменхорст...
И кому ж умирать охота

здесь, от дома за тыщу вёрст?
А солдаты, сводивши счёты,
город сбрасывали с земли.
Наши две штурмовые роты
больше сделали, чем могли.

Мы спасались за спины-стены,
сбились улицы в очаги, —
только городу всё едино,
для него все бойцы — враги.
И остался в бою он крайним
и сворачивался в клубок,
и саднил обожжённым камнем
старой ратуши рваный бок.

Брошен город в глубокой коме,
весь покрытый пеплом Помпей, —
потонув в артиллерии громе,
оказался в плену, Цефей.
Здесь остались убиты реки
с немецкой ещё водой,
здесь остались на поле зэки
из штрафного с передовой,

здесь убили сады и скверы,
выжгли лики в святых местах,
здесь осталась распятой вера
в обособленного Христа,
здесь в дыму потерялись тени
от деревьев и фонарей,
здесь остались в домах ступени —
правда, нет в них уже дверей...

Только городом он остался —
искорёженным, но живым.
Как бы там он ни назывался —
стал для тех и других своим.
А когда-то он был красивым
и... крещённым не раз огнём.
Пусть родился он не в России —
но она возродилась в нём.

Только здесь ей, широкой, тесно:
кирхи — вверх, а Россия — вширь, —
ей всегда не хватает места,
ей такое бы, как Сибирь...
Но вместилась в немецком теле,
приспособившись под гранит.
Бог, живущий на самом деле,
город наш до сих пор хранит.

* * *

Заменяла тишина стрельбище вселенское,
и с рейхстага передан красный флаг в музей.
Потянулись по домам псковские, смоленские,
сохранятся карточки фронтовых друзей.

А солдаты в комнатах ходят – пригибаются:
всё окопы кажутся им на передовой.
Не успел отец пригнуться в том бою под Прагою –
миномётчик третьей роты, в звание рядовой.

С пацанами бегал я к поездам на станцию, –
может, батя возвратится и откроет дверь:
«Вот он я, сынок, живой! Ни одной царапины!
Ну а то, что был убит... этому не верь!..»

А война закончилась вечною победою,
и от пороха очистил небеса салют.
И мужьям вернувшимся стелют бабы новое,
за безвестных молятся, за погибших пьют.

Колмогорова Наталья Ивановна – родилась и проживает в Самарской области. Образование педагогическое. Участвовала и становилась лауреатом многих международных и всероссийских конкурсов. Пишу для детей и взрослых, в стихах и прозе. Издано двенадцать авторских книг для детей и взрослых, в прозе и стихах. Член Союза Профессиональных литераторов. Живёт на станции Клявлино Самарской области.

Нарекли «Руслёною»

В поле – одуванчики, да берёзы с косами,
Вновь пришли захватчики, неруси раскосые,
Мяли сапожищами горы, лес и доли,
Налетели тыщами вороги-монголы!
Ишь, чего удумали, нехристи да вороны –
Взять меня посулами, взять меня поборами,
Только я – строптивая, быть ли покорённою?
Родилась двужильною, нарекли «Руслёною».
Прочь, ярмо монгольское, иго троеклятое,
Смерть за Русь – геройская, коли битва ратная!
Я – свеча вощёная, я – стрела калёная,
На Руси крещёная, голова бедовая...

Помню бой со шведами... Лёд. Нева. Побойще.
Знать, они не ведали до сих пор позорища!
Снег летел над озером, словно одуванчики,
Через лес берёзовый убили захватчики...
Ах, судьба-насмешница, как тропинка узкая,
Глядь, у стен Отечества – полчища французския.
Битва Бородинская – то ещё сражение,
Прочь, братва ордынская, близко поражение!
Маршалу Кутузову подсоблю немного я,

С мокрыми рейтузами возвращайтесь в логово!
Знайте, я – строптивая! Быть ли покорённой?
Родилась двужильною, нарекли «Руслёною».

Я видала многое – крах Наполеончика,
Сироту убогого, в белых панталончиках,
В одиночку с Гитлером - подвело содружество!-
Пусть с заглавной литеры пишут слово «Мужество»...
Что слетелись, вороны, на беду ли новую?
Знать, забыли, вороги, что зовут «Руслёною»!
Свастики да доллары, кровью обагрённые,
Ротшильды да Дональды, мною обличённые.
Знайте, я – строптивая! Быть ли покорённой?
Родилась двужильною, нарекли «Руслёною».

Мужество

*(Лашкову Владиславу, г. Бугульма,
и всем бойцам, погибшим на СВО,
посвящается)*

Я, мама, не родился храбрым,
Про смелость в книгах лишь читал,
И под высоким сводом храма
Не так уж часто и бывал.

Но для меня всегда примером
Был подвиг деда на войне...
На СВО, одним из первых,
Ушёл по огненной стерне.

Здесь, что Андрей – то Первозванный,
Здесь каждый знает, смерти – нет!
И крест нательный православный
Не раз спасал меня от бед...

Да, мы держали оборону
Сегодня утром, за грядой,
Я обнаружил в небе дроны,
И с командиром принял бой...

Семья, работа, дом, рутина –
Я не был в жизни храбрецом,
Но жизнь спасал я командиру,
Когда ударил дрон свинцом.

А жизнь, она бесценна – точно!
Вдруг слышу, рядом - шорох крыл...

Уйду за радугу досрочно -
Как жаль, жену не долюбил!

Мы с младшим сыном так похожи,
Со старшим тоже сходство есть.
Мальчишки! Знайте, что дороже
Всех благ - достоинство и честь!

А у жены, как небо, сини
Глаза, и очень добрый взгляд...
По всем, погибшим за Россию,
Пусть литургию отзвонят.

И вы две жизни проживите,
Товарищ старший командир,
А я теперь небесный житель,
Прощай, огромный бранный мир!

В садах здесь утопают храмы,
И небо – цвета «фиолет»...
Твой сын всегда был храбрым, мама,
Как не пришедший с фронта дед.

Безымянному солдату

Когда-то мать тебе стелила
Рукой заботливой постель,
Отныне братская могила –
Тебе навеки колыбель.

Погиб от пули окаянной,
В канун простуженной зимы,
Но ты солдат – не безымянный,
Ты сын и соль родной земли!

Ты шёл, не гнушийся от ветра,
Ты жить хотел, но принял смерть,
И подвиг твой в сердцах – посмертно,
И память нашу – не стереть.

Ты шёл в атаку, вскинув знамя,
С победным криком на устах,
Ты навсегда остался с нами –
В былинах, песнях и стихах...

Пускай нам имя не известно –
Какого рода был, кровей,
Ты долг отдал отчизне честно,

Во благо мира и людей.

Вновь грозовые тучи близко,
И снова пушки голоса,
И я шепчу у обелиска:
– Мы пред тобой в долгу, солдат.

Тетенькина Татьяна Григорьевна – родилась в Брестской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета в Минске. В 1971 году переехала в Калининград. Работала редактором в газетах и книжных издательствах. Член Союза писателей России. Живёт в Калининграде.

Долги

Чужую боль приемлю как свою –
И тем долги я людям отдаю.

Ещё моя звезда не родилась,
Ещё мне путь не выбран был судьбою –
А кто-то умирал на поле боя,
Чтоб я на этом свете прижилась.

В долгу я перед теми, кто страдал,
Залечивая раны и увечья,
Кто страшную беду взвалил на плечи,

А мне свободной землю передал.

Отец и мать, пред вами я в долгу
За то, что не продлила ваши годы.
Друзья, я не смогла от непогоды
Спасти всех вас в житейскую пургу.

И многое, и многое ещё
Тревожными бессонными ночами
С упрёками высвечивает память,
Мне щёки опаляя горячо.

Чужую боль приемлю как свою –
И тем долги я людям отдаю.

Потерянная во времени

Молюсь за вас, колени преклоня, –
За призванных к небесному чертогу.
Вы тоже помолитесь за меня –
Там тише и гораздо ближе к Богу.

Он слышит даже трепет ваших душ,
А здесь я и сама себя не слышу.
Молитесь за меня – и я дождусь
Духовных сил,
ниспосланных мне свыше.

Как рано, оставляя здешний дом,
Неровной стайкой
вы с земли взлетели.
Теперь я в одиночестве своём
Похожа на скиталицу без цели.

Вас нет – и время стало не моим,
Я не умею в нём определиться...
Свеча горит. И тает лёгкий дым.
И Божий лик. И ваши... ваши лица.

Мы все повязаны войной

Мы все повязаны войной –
Фронтовики и тыловые.

Незримый бой и зримый бой –
В защиту матушки-России.

Мы с поля битвы не уйдём –
Окоп ли это или слово.
С поднявшим голову врагом,
Конечно, справимся мы снова.

За кровь, пролитую рекой, –
Над теми, кто толкал нас к бездне,
И Божий суд, и суд мирской
Сольются в праведном возмездье.

Жизнь не отложишь

Не жалуйся. Делай, что можешь.
От жизни не прячь своих глаз:
Её на потом не отложишь –
Она существует сейчас.
Я в этом давно убедилась,
И вот что сумела понять:
Нам время, как высшую милость,
Молитвенно надо принять.
И в рамках его уместиться
Должны мы на кратком пути.
А время, как быстрая птица,
Летит, и летит, и летит...
Не нужно искать в нём уюта
И слать укоризны судьбе.
Чуть больше досталось кому-то,
Чуть меньше, возможно, тебе.
Не жалуйся. Будь благодарен
За небо, за солнце, за свет.
Для нас это время не даром
Бог выбрал из множества лет,
В тебя и в меня изначально
Поверил, дал душу и мысль...
Наверное, мы не случайно
В свой век на земле родились.

Подольский Сергей Викторович родился в 1950 году в Башкирии. Окончил Уфимский нефтяной институт по специальности «Горный инженер». Поэт. Член литературных объединений «Сиверское братство», «Союз писателей Санкт-Петербурга и Ленобласти» (Павловск), «Среда» (Смоленск). Член Союза российских писателей. Живёт и в Смоленской области (Катынь).

Февральское утро

*Поэту-фронтовику Николаю
Майорову, погибшему
В Гжатском районе
Смоленщины в 1941 году*

Восходит солнце. Тренькает синица.
Шинелей пятна устилают склон.
Снежок, не тая, падает на лица.
И не поднять в атаку батальон.
Пошли они в атаку не за славой,
А за своих любимых и родных.
Бил пулемёт по ним на фланге правом,
Их цепи, отправляя в мир иных.
Вершитель судеб, вражий пулемётчик,
Решал со смертью их горячий спор.
Короткой жизни тонкую цепочку
Порвал, давясь и клацая, затвор.

Не тает чёрный снег на пепелище,
Бойцов позёмка будет заметать.
Дневник поэта, вряд ли, кто отыщет:
Клеёнчатую тонкую тетрадь.
Студёный ветер унесёт листочек
В сугроб спрячет посреди снегов.
Не сохранится торопливый росчерк
Поэтом недописанных стихов.
Когда наступит мирное затишье,
Пусть это станет лучшей из наград,
Убитые отчётливо услышат,
Как эти строчки внуки повторяют.

Александровский сад

*«Серёжка с Малой Бронной и
Витька с Маховой»*

В свою Москву он был влюблённый,
Тихоня робкий и смешной.
Жил паренёк на Малой Бронной,
А, может быть, на Маховой.
Вздыхала мать: «Моё ты горе!
В кого же уродился ты»!
Со всеми сдержан в разговоре
И вежлив. Ну, до тошноты!
Он робким был в ребячьей драке.
Не укротил велосипед.
Зато дворовые собаки
Хвостом ему виляли вслед.
В семнадцать был совсем ребёнок,
Идти на танцы не хотел.
А в разговорах про девчонок
Лицом стремительно краснел.
Он не пускал махорки кольца,
Всё Чехова читал в запой.
Но в сорок первом добровольцем
Под Вязьмой принял первый бой.
Дрожит под танковой лавиной
Через речушку хлипкий мост.
Но он с горячим карабином
Так и не смог покинуть пост.
А в том дворе на Красной Пресне
Его домой напрасно ждут.
Не бросит мальчик неизвестный
Пост в Александровском саду.

Реквием Сталинграду

Вечер стынет в объятьях метели.
Мне мороз и метель нипочём.
Ворон чёрный рвёт ворот шинели,
На моё, примостившись, плечо.
Я погиб от разрыва гранаты
И застыл на кровавом снегу.
«Треугольник» от мамы, ребята,
Я уже прочитать не смогу.
Бог! Меня оживи на минутку!
Сжав кисть, шевельнётся рука.
Напоследок сверну «самокрутку»:
Ведь в раю нет, браток, табака.
Я побрёл по траншее бесплотный,
У разбитой землянки присел.
«Похоронку выписывай, «ротный»,
Рядовой Иванов Алексей.
Не хочу неизвестным солдатом!
Хоть мамаша поплачет навзрыд».
Мне в ответ лейтенант виновато:
«Я ведь тоже, Алёша, убит.
А в полку как потупят известно.
Мол, исполнив задачу свою,
Каждый званье «пропавший без вести»
Получил в отгремевшем бою.
Кто-то струсил, кто бился геройски,
Не узнают, кто прав, кто не прав.
Все мы в списках небесного войска
Внесены в постоянный состав».

Белый Константин Владимирович – родился в 1971 году в Москве. Окончил Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова по специальности биофизика. Кандидат педагогических наук. Российский спортсмен, тренер и спортивный организатор в области единоборств. Мастер спорта России по каратэ Кёкусинкай. Заслуженный тренер России. Член Союза журналистов и член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Цикл стихов «Добровольцы»

Солдат уходит на войну

Твой сын уходит на войну.
Скажи ему, скажи ему,
что дед его, а твой отец
уже сражался за Донецк,
и ранен был, и брал Берлин,
и то, что дед гордился б им,
и чтобы рода честь берёг,
и чтобы помнил – с нами Бог!
Скажи ему, скажи ему,
ведь он уходит на войну.

Твой муж уходит на войну.
Скажи ему, скажи ему,
что будешь ждать его, любя,
и чтобы он берёг себя,
и чтобы в самый трудный бой
тебя он в сердце брал с собой,
и помнил, что лишь с ним домой
вернётся радость и покой.
Скажи ему, скажи ему,
ведь он уходит на войну.

Твой брат уходит на войну.
Скажи ему, скажи ему,
что ты всегда старался брать

с него пример, и воевать
пойдёшь как он, и за свою
Отчизну пасть готов в бою,
но что тебе лишь десять лет,
и пожелай ему побед.
Скажи ему, скажи ему,
ведь он уходит на войну.

Твой друг уходит на войну.
Скажи ему, скажи ему,
что он – твой друг, и он – герой,
что первый – он, но ты – второй,
что место ты займёшь в строю,
чтобы в отчаянном бою
прикрыть его в пылу атак,
что будет уничтожен враг.
Скажи ему, скажи ему,
ведь он уходит на войну.

Солдат уходит на войну.
Скажи ему, скажи ему:
Россия за его спиной,
и снова враг идёт войной
на брата, на жену, на мать,
а значит, нужно воевать
за право жить, за право быть,
а значит, нужно победить,
Скажи ему, скажи ему,
ведь он уходит на войну.

Семьсот пацанов и двенадцать девчат

Летит эшелон, и колёса стучат:
«На фронт! На фронт! На фронт!»
Семьсот пацанов и двенадцать девчат
несутся сквозь ночь вперёд.

Они добровольцы – идут на войну,
чтоб мир наступил скорей.
Они прикрывают собою страну,
любимых, родных, друзей.

Пока ещё тихо, но близится час,
когда принимать им бой.
Семьсот пацанов и двенадцать девчат
так сделали выбор свой.

Летит эшелон, и они ещё спят

под песню стальных дорог.
Семьсот пацанов и двенадцать девчат –
спаси, сохрани их Бог!

Спарта

Мы штурмуем: накат за накатом.
Напряжение – рвутся аорты.
Так, наверное, дед в сорок пятом
штурмовал Кёнигсберские форты.

Но укреп впереди не немецкий –
сеет смерть он, нам взять его надо:
из него по кварталам Донецка
каждый день бьют снарядами НАТО.

Мы не будем сидеть в обороне,
не страшна нам фашистская арта,
потому что на нашем шевроне
флаг империи с надписью «Спарта».

Из окопа и в вечность

Ты пришёл добровольцем на фронт –
Тут нужны люди крепкие духом.
Вот вжимается в землю твой взвод –
Снова арта закашлялась глухо.

Но страха нет, а есть приказ:
Опорник выбить надо.
Ведь за твоей спиной Донбасс –
Родной брат Сталинграда.

Земляной рвётся в небо салют,
Достучаться пытается к Богу.
Все команды твоей к штурму ждут.
Подождите – осталось немного.

Ведь есть приказ, а страха нет –
Не вечна канонада.
А за спиной твоей Донецк –
Родной брат Ленинграда.

Ну, пора! Нужно сделать бросок,
Чтобы вызвать огонь и отвлечь их —
От опорника наискосок.
Метров сто — из окопа и в вечность.

[Добавить комментарий](#)

[Комментарии](#)